

стью. Г-жа де Сталь не считает его «развратителем». Сен-Пре, по ее мнению, не употребляет другого орудия, кроме искренности и любви.⁹ Этот тип симпатичного и опасного соблазителя создал в русской литературе, начиная с карамзинского Эраста, предшественника Онегина и Печорина, целый ряд далеких подобий, разочарованных, легкомысленных и непоследовательных, как и он.¹⁰

В противоположность герою Руссо Юлия, подобно своему прообразу — Элоизе, невинная и грешная, царит в романе на пьедестале добродетели. Она мечтает о чистой любви, но уступает страсти. В браке остается верной супружескому долгу. Героиня Руссо превосходит героя своей моральной стойкостью. Это моральное превосходство героини сохраняется и в «Бедной Лизе» Карамзина, и само имя ее Лиза становится популярным в нашей художественной литературе XIX в.

По мнению г-жи де Сталь, Руссо изобразил в своем романе «страсть и добродетель в противоположности и в гармонии».¹¹ Карамзин же обе эти проблемы представил отдельно: страсть и добродетель в противоречии — в повести «Бедная Лиза», и страсть и добродетель в гармонии — в повести «Наталья, боярская дочь».

«Новая Элоиза» изображала героиню в двух аспектах: девушки, борющейся за права и свободу своего сердца, и жертвы, обольщенной и раскаивающейся в своем падении, жалующейся на несовершенство и слабости своего соблазителя. Карамзин представил эти два духовных облика Юлии в двух самостоятельных художественных образах — Натальи и Лизы.

В основе повести «Бедная Лиза» жизненная трагедия обольщенной дворянином девушки из народа. Этот традиционный для европейского сентиментализма сюжет «под пером Карамзина приобрел глубокое эмоциональное содержание. „Бедная Лиза“ (1792) знаменовала рождение русской психологической повести; в ней намечалась психологически углубленная обрисовка характеров».¹²

⁹ *Lettres sur les écrits de Rousseau (1788)*. In: *Oeuvres complètes de Mme la baronne de Staël-Holstein*, t. I. Paris, 1838, p. 7.

¹⁰ Разоблачение слабых сторон разочарованного героя у Пушкина (Онегин), да и у Карамзина (Эраст) идет от самого Руссо, который и породил этот тип. Руссо весьма скептически относится к красноречию Сен-Пре и обличает его лицемерие (NH, I, XXIV, 130). Точно так же Карамзин обличает лицемерие Эраста.

¹¹ *Lettres sur les écrits de Rousseau*, p. 7.

¹² История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М—Л., 1958, стр. 631